

СТАСИ И ЭЛЕН ТВЕНТИ

Муза

ПО ПРИНУЖДЕНИЮ.
АКАДЕМИЯ ЗОДИАКА

Стаси Твенти
Муза по принуждению.
Академия Зодиака
Серия «Академии Зодиака
Астреллора», книга 1

*<https://litres.ru/73297936>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Отец лишил меня наследства и сослал в Академию магических искусств. Мой напарник — Рен, нищий стипендиат с гениальным даром иллюзиониста и невыносимым характером. Мы — Огонь и Воздух: искры летят при каждой встрече, и мы готовы уничтожить друг друга. Но когда в Академии начинают таинственным образом исчезать таланты студентов, нам приходится объединиться. Нам предстоит раскрыть опасный заговор, спасти свой дар и понять, что ненависть от любви отделяет всего один шаг.

Книга — первая часть цикла «Академии Зодиака Астреллора», где каждый знак Зодиака имеет уникальный дар. Все книги — отдельные истории с разными героями, объединенные одним миром.

Главная героиня — Лев.

Главный герой — Близнецы.

В книге вас ждут:

Высокомерная героиня и обаятельный герой

Богемная академия искусств

Напряжение, от которого летят искры

Детективная линия

Обязательный ХЭ

#Главы выходят каждый день

Добавляйте книгу в избранное

Ставьте оценку

Пишите комментарии

Содержание

Глава 1. О пустых сундуках и меньшем из зол	5
Глава 2. Мрамор, розы и бюджетные места	12
Глава 3. Богини Астреллора и шелк	18
Глава 4. Таро, вино и астрологическая несовместимость	23
Глава 5. Похмелье, звезды и скука смертная	31
Глава 6. Шепчущие розы и луна в стекле	37
Глава 7. Горящие журавлики и ария разрушения	43
Глава 8. Исчезнувшая соседка и вино на паркете	49
Глава 9. Украденная нота и дуэт поневоле	56
Глава 10. Уроки разбитых сердец и магия печали	62
Глава 11. Скука, закат и чужие тайны	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Стаси и Элен Твенти Муза по принуждению. Академия Зодиака

Глава 1. О пустых сундуках и меньшем из зол

Зеркало в массивной золоченой раме отражало совершенство, и я не собиралась с этим спорить. Я чуть повернулась, позволяя подолу платья цвета «шампань» взлететь вокруг ног. Шелк струился, идеально гармонируя с моими голубыми глазами и золотистыми локонами, над которыми стилисты колдовали битых два часа.

— Идеально, — промурлыкала я своему отражению, поправляя выбившуюся прядь. — Этернис сегодня падет к моим ногам.

Вечеринка у маркиза де Вейля обещала быть легендарной. Говорили, что привезут редкое вино с южных островов, а музыку будут обеспечивать настоящие сирены — что бы это не значило, ведь никаких сирен в помине не существовало. Я предвкушала ночь, полную танцев, флирта, завистливых взглядов соперниц и восхищенных вздохов кавалеров.

Осталась лишь одна деталь.

Деньги.

Для игры в карты, щедрых чаевых лакеям и, возможно, покупки какого-нибудь милого артефакта у черных дилеров, которые вечно ошиваются на таких приемах, нужно было золото. Много золота.

Я подошла к своему тяжелому дубовому сундуку, инкрустированному перламутром. Моя личная сокровищница. Папа пополнял ее каждое первое число месяца, и механизм работал безупречно. Я приложила ладонь к замку, чувствуя привычное покалывание магии. Щелчок, и тяжелая крышка откинулась.

Я моргнула. Раз, другой. Потом наклонилась ниже, отказываясь верить глазам. Казалось, еще чуть-чуть и я залезу туда целиком.

Но сундук был пуст. Абсолютно. Девственно. Пуст. Там не было даже завалящей медной монеты, чтобы кинуть нищему. Только бархатная обивка цвета бордо, которая теперь казалась мне личным оскорблением.

— Это шутка? — мой голос дрогнул, и от этой вибрации хрустальный флакон с духами на столике жалобно звякнул. — Это какая-то дурацкая, несмешная шутка?!

Я начала лихорадочно перерывать комнату. Выдвигала ящики, вытряхивала шкатулки, заглядывала даже под подушки и в вазы с цветами. Ничего. Все мои тайники были опустошены!

Паника сменилась яростью. Горячей, обжигающей яростью, от которой воздух в комнате начал стремительно нагреваться.

— Папа!

Я вылетела из комнаты, хлопнув дверью так, что со стен посыпалась штукатурка. Каблуки стучали по мраморной лестнице, пока я совершала военный марш.

В столовой царила идиллическая, раздражающая тишина. Мама, высокая и холодная женщина, которую, казалось, вообще ничего в этом мире не трогало, лениво помешивала ложечкой чай, глядя в окно на сад. Отец, грузный мужчина с добрым, но усталым лицом, читал утреннюю газету «Вестник Этерниса».

Я ворвалась в комнату ураганом.

— Где мои деньги?! — рявкнула я.

В серванте задребезжал фамильный фарфор. Магия Голоса, которую я никогда не училась контролировать, вырвалась против воли, заставив огромную хрустальную люстру под потолком опасно качнуться.

Мама даже не повернула головы. Она продолжила смотреть на розовые кусты, словно кричала не ее дочь, а какая-то уличная торговка рыбой, которую она по доброте душевной пустила в дом.

Отец медленно, подчеркнуто спокойно опустил газету. Он посмотрел на меня с той невыносимой смесью любви и жалости, от которой мне всегда становилось не по себе.

— Доброе утро, солнышко, — произнес он мягко. — Я вижу, ты уже проверила сундук.

— Проверила?! Там пусто! Папа, мне через час выезжать к де Вейлям, а у меня ни гроша! Верни все на место, это не смешно!

— А я и не шучу, Вивьен, — отец снял очки и потер переносицу. — Мне все это надоело.

Я задохнулась от возмущения, чувствуя, как краснеют щеки.

— Что тебе надоело? Что я красиво одеваюсь? Что я поддерживаю статус нашей семьи в обществе?

— Мне надоело, что ты прожигаешь жизнь, — твердо сказал он. В его голосе прозвучали стальные нотки, те самые, которые он использовал на жестких переговорах с торговыми гильдиями. — Тебе девятнадцать лет. Ты не работаешь. Ты не учишься. Ты только тратишь, требуешь и снова тратишь. Я люблю тебя, дочка, но я не хочу, чтобы ты превратилась в красивую, но бесполезную куклу.

— Я не кукла! — взвизгнула я, топнув ногой. — Я светская львица! Это тоже работа!

— Ты паразитируешь на моем кошельке, — отрезал отец. — С этого дня доступ к моему хранилищу для тебя закрыт.

Земля ушла из-под ног. Без денег я — никто. Меня вышвырнут из круга избранных быстрее, чем я успею сказать «шампанское». Платья, приемы, драгоценности — все это рассыплется в прах.

— Ты не можешь так поступить!

— Могу. И уже поступил. Но... — он полез во внутренний карман пиджака и достал сложенный буклет из плотной бумаги. — У меня есть предложение. Сделка. Ты же дочь торговца, ты понимаешь язык сделок.

Он положил буклет на стол и придвинул его ко мне одним пальцем.

— Ты поступаешь в Академию. Любую из этого списка. Если ты продержишься там семестр и сдашь экзамены — я верну твое золото и удвою содержание. Если получишь диплом — я перепишу на тебя поместье у Золотых Озер.

Я посмотрела на буклет как на ядовитую змею.

— Учиться? Мне? Папа, у меня талант от природы! Я Лев, и мой голос может разбивать стекло! Зачем мне сидеть за партами с плебеями?

— Затем, что талант без труда — это просто пшик, — отец снова поднял газету, давая понять, что аудиенция окончена. — Выбирай, Виви. Или Академия, или иди работать. В порту, слышал, нужны сортировщицы рыбы. Платят мало, зато график гибкий.

Мама сделала глоток чая.

— Рыба плохо пахнет, — меланхолично заметила она в пустоту, словно разговаривала сама с собой. — Испортишь маникюр.

Я скрипнула зубами так сильно, что заболела челюсть. Схватив буклет со стола, я скомкала край и, развернувшись

на каблуках, выбежала из столовой. Слезы обиды душили меня. Сортировщица рыбы?! Да как он смеет! Я создана для шелка и бархата, а не для чешуи!

Влетев в спальню, я бросилась на кровать и яростно разгладила брошюру.

— Ладно, — прошипела я. — Хочешь, чтобы я училась? Я буду учиться.

Я пробежалась взглядом по списку. Шесть вариантов. Шесть кругов ада для такой девушки, как я. Политика, тактика, артефакторика... Все не то.

Я без особого интереса вчитывалась в бессмысленные для меня строчки, когда мой взгляд упал на последний пункт.

Академия искусств «Эфир». Местоположение: Герцогство Луминвер. Профиль: Музыка, живопись, театр. Описание: «Раскройте свой творческий потенциал в гармонии со стихиями. Свобода самовыражения, конкурсы талантов, поиск музыки».

Я задумалась, накручивая локон на палец. Луминвер... Это же элитный курорт. Море, солнце, дорогие рестораны. Разве там есть академия? Никогда не замечала. А чему там учить? Петь? Я и так пою в душе, и у меня отлично выходит. Рисовать? Плескать краской на холст может и дрессированная обезьяна. Театр? Да вся моя жизнь — сплошной театр!

— Свобода самовыражения, — прочитала я вслух. — Звучит как «мы ничего не делаем, только пьем вино, носим красивые шарфы и обсуждаем искусство».

Это было идеально. Никакой математики, никакой грязи, никакой армейской муштры. Просто богемная тусовка длиной в четыре года. Отец хотел, чтобы я училась? Я буду учиться. Как правильно отдыхать за его счет, делая вид, что страдаю над мольбертом.

Я схватила перо с тумбочки, жирно обвела название «Эфир» и довольно улыбнулась.

— Ты проиграл, папочка, — прошептала я, откидываясь на подушки и представляя, какие платья закажу для морского климата. — Я верну свои деньги, и мне даже не придется напрягаться.

Я еще не знала, как жестоко я ошибалась.

Дорогие читатели, мы рады приветствовать вас в нашей новой истории! Здесь вас ждут магия знаков Зодиака, гадания и предсказания, интриги и расследования, знакомство с академией магических искусств и, конечно же, любовь!

Доставайте карты Таро, мы начинаем наше путешествие!

Глава 2. Мрамор, розы и бюджетные места

Если уж меня отправляли в ссылку, то я была рада, что ссылка выглядела именно так.

Герцогство Луминвер встретило меня ослепительным солнцем и запахом моря с нотками йода и цитрусов. С начала уже виднелась цель моего путешествия, и я, придерживая шляпу с широкими полями, невольно выдохнула.

Академия «Эфир» не просто стояла у воды. Она парила над ней. Огромные стеклянные купола, напоминающие мыльные пузыри, сверкали под лучами Астреллорского солнца. Белоснежные шпили, ажурные мосты, соединяющие здания прямо над волнами, террасы, утопающие в зелени — все это выглядело не как учебное заведение, а как дворец безумного, но очень богатого архитектора.

— Госпожа де Ларуа? — ко мне подошел мужчина в синей мантии. На его пальцах переливались кольца с аквамаринами — знак мага Воды. — Прошу в лодку. Мы доставим вас прямо к парадному входу.

Лодка оказалась изящной гондолой, обитой бархатом (слава богам, сухим). Маг не греб веслами. Он просто сделал плавный пас рукой, и вода под нами сама понесла суденышко вперед. Мы скользили по глади, и чем больше приближа-

лись к Академии, тем сильнее я проникалась уважением к собственному выбору.

Здесь пахло деньгами. Огромными деньгами. Стены зданий были инкрустированы перламутром, витражи изображали созвездия, а статуи на балконах двигались, приветственно махая рукой проплывающим.

— Недурно, — пробормотала я, поправляя перчатки. — Совсем недурно. Может, папа и не так уж жесток.

Мы причалили к искусственному острову, выложенному белоснежным мрамором. Никакого песка, забивающегося в туфли. Идеально.

На берегу меня встречала женщина. Она была высокой, статной, в струящемся платье цвета морской волны, которое, казалось, жило своей жизнью, меняя оттенки при каждом движении. Ее темные волосы были убраны в сложную прическу, скрепленную шпильками в виде звезд.

— Добро пожаловать в «Эфир», дитя, — ее голос звучал как мелодия виолончели, глубокий и обволакивающий. — Я директор Селеста. Мы ждали вас.

Я грациозно выбралась из лодки, стараясь выглядеть так, будто каждый день прибываю во дворцы на магических гондолах.

— Вивьен де Ларуа. Рада знакомству.

Директор окинула меня цепким, проницательным взглядом. Ее глаза, казалось, видели не только мое платье (которое стоило целое состояние), но и что-то глубже.

— Позвольте узнать, кто вы по знаку, Вивьен? — спросила она, жестом приглашая следовать за ней к огромным резным дверям главного корпуса.

— Лев, — ответила я, гордо вскинув подбородок. — Дом Огня.

Селеста улыбнулась, и в этой улыбке проскользнуло одобрение.

— Лев... Значит, у вас сильный голос. Львы часто становятся великими вокалистами или ораторами. Ваша магия — это эмоции, выраженные через звук. Здесь мы научим вас не просто кричать, а заставлять сердца биться в вашем ритме.

Мне понравилось, как это прозвучало. «Заставлять». Власть мне всегда импонировала.

— И как будет проходить мое обучение? — осторожно уточнила я. — Надеюсь, без скучных лекций с утра до ночи?

— О, в «Эфире» свой подход, — рассмеялась директор. — Первую неделю мы посвятим изучению вашей натальной карты. Нам нужно понять, как звезды повлияли на ваш дар. А затем... затем вы будете свободны. Вы сможете посещать любые классы, пробовать себя в живописи, музыке, театре. Мы не навязываем путь, а лишь освещаем его. Главное — найти свою страсть.

Свободное посещение и изучение себя любимой? Да это же рай! Я буду спать до обеда, потом ходить на пару занятий по пению, а вечера проводить на банкетах.

Мы подошли к массивным входным дверям, украшен-

ным золотыми барельефами. Я уже представляла, как войду внутрь, и все взгляды устремятся на меня...

Вдруг одна из створок распахнулась, и навстречу нам вылетел парень. Мы столкнулись почти нос к носу. Я успела заметить лишь вихрь огненно-рыжих волос, яркую рубашку, расстегнутую на пару пуговиц больше, чем принято, и запах краски смешанный с ароматом чернил.

Я ойкнула и пошатнулась на каблуках. Парень среагировал мгновенно — он подхватил меня под локоть, не давая упасть. Его руки были теплыми и крепкими.

— Осторожнее! — воскликнула я, одергивая руку. — Вы чуть не сбили меня с ног!

Он замер. Его темно-синие глаза, в которых плясали какие-то безумные искорки, расширились. Он смотрел на меня так, словно я была не девушкой, а внезапно ожившей статуей богини.

— Прошу прощения, мадемуазель, — выдохнул он. Его голос оказался неприлично бархатным, с легкой хрипотцой. — Я просто спешил... но теперь понимаю, что спешил именно к вам.

Наглец. Какой наглец! Но, надо признать, симпатичный. Высокий, стройный, с этой мальчишеской улыбкой, от которой на щеках появлялись ямочки.

Он вдруг склонился в поклоне, перехватил мою руку и, прежде чем я успела возмутиться, коснулся губами костяшек моих пальцев. Жест был старомодным, театральным, но...

чертовски эффективным.

— Такая красота должна быть воспета, — прошептал он, глядя мне прямо в глаза. — Вы затмеваете само солнце Луминвера.

Он сделал странное движение рукой — щелкнул пальцами в воздухе. Вспыхнула крошечная искра, и в его ладони, буквально из пустоты, материализовалась алая роза. Идеальная, с капельками росы на лепестках.

Он протянул цветок мне.

— Для прекраснейшей из дам.

Я машинально взяла розу, опешив от такого напора. Парень подмигнул мне, еще раз улыбнулся во весь рот и побежал дальше, перепрыгивая через ступеньки, словно у него за спиной были крылья.

Я стояла, сжимая колючий стебель, и чувствовала, как горят щеки.

— Кто это? — спросила я, провожая взглядом его удаляющуюся фигуру в развевающейся рубашке. — Какой-то местный аристократ? Сын герцога? У него манеры... своеобразные.

Директор Селеста мягко улыбнулась, глядя ему вслед.

— Это Рен. Талантливейший мальчик.

— Из какой он семьи? Я не видела его на приемах в столице.

— О, он не из столицы, — спокойно ответила директор. — Рен — наш стипендиат. Он из очень простой семьи, из

рыбацкой деревни на окраине. Поступил сюда исключительно благодаря своему таланту и гранту от короны. У него ни гроша за душой, но фантазии хватит на десятерых.

Моя рука, державшая розу, тут же опустилась. Вся магия момента улетучилась, как дым на ветру. Рыбацкая деревня? Грант? Стипендиат?

Значит, он нищий. Красивый, наглый, талантливый... и нищий.

Я брезгливо посмотрела на розу. Еще минуту назад она казалась мне романтическим жестом, а теперь выглядела как дешевый трюк уличного фокусника, пытающегося выпросить монетку.

— Понятно, — холодно произнесла я, и хотела выбросить цветок, но он уже растворился в воздухе. — Очередной попрошайка, возомнивший себя творцом. Идемте, директор. Мне не терпится увидеть свои покои. Надеюсь, они находятся как можно дальше от комнат... стипендиатов.

Директор ничего не ответила, лишь ее бровь слегка приподнялась, но она вежливо открыла передо мной двери. Я шагнула в прохладу Академии, вычеркнув синеглазого парня из своей жизни.

Бедные парни меня не интересовали. Точка.

Глава 3. Богини Астреллора и шелк

Ладно, беру свои слова назад. Возможно, жизнь здесь не будет полным кошмаром.

Когда директор открыла передо мной двери моих покоев, я ожидала увидеть келью с жесткой койкой (все-таки это общежитие). Но Академия «Эфир» умела удивлять. Комната была просторной, залитой светом и — о, боги! — по-настоящему роскошной.

Высокие потолки, украшенные лепниной в виде виноградных лоз, стены цвета слоновой кости и огромные, от пола до потолка, панорамные окна, выходящие прямо на бескрайнее лазурное море. Двери балкона были распахнуты, и легкий соленый бриз колыхал полупрозрачные занавески.

— Не королевский люкс в «Гранд Отеле», конечно, — пробормотала я, проводя рукой по бархатной спинке дивана. — Но жить можно.

— Жить? Здесь можно править, дорогая, — раздался мелодичный голос со стороны трюмо.

Я обернулась. В комнате я была не одна. У огромного зеркала в полный рост стояла девушка с прямыми пепельными волосами, падающими на плечи идеально ровным полотном. Она протирала зеркальную поверхность шелковым платком, хотя там не было ни пылинки.

— Лира, — представилась она, не отрываясь от своего за-

нятия. Она щелкнула пальцами, и зеркало вдруг пошло рябью, отразив не ее, а меня, но с идеального ракурса и с уже поправленной прической. — Дева. Магия зеркал. Четвертый курс.

— Вивьен, — я кивнула, оценив ее безупречный маникюр. — Лев. Первый курс.

— А я Альмина! — с другой стороны, из ванной комнаты, выплыла (иначе и не скажешь) вторая соседка.

Она была полной противоположностью Лиры: мягкие черты лица, копна выющихся каштановых волос и глаза цвета глубокого океана. Вокруг ее запястий левитировали крошечные капельки воды, словно живые браслеты.

— Рак. Специализируюсь на водных шоу. Тоже четвертый курс. Мы так рады, что к нам подселили Львицу! Прошлая соседка была Козерогом, вечно бубнила про некромантию и притаскивала в комнату черепа. Жуть!

Я улыбнулась. Эти двое мне нравились. От них пахло дорогими духами, а не дешевым табаком, и одеты они были в домашние халаты из натурального шелка, а не в застиранные пижамы. Кажется, я попала в правильную компанию.

— Ты как раз вовремя, Вивьен, — сказала Альмина, плюхнувшись в кресло. — Сегодня вечером «Бал Первого Заката». Это главная вечеринка начала года. Будут все сливки общества, преподаватели и, конечно, самые красивые парни Академии.

При упоминании парней я скривилась, вспомнив того

оборванца с розой.

— Надеюсь, там будет фейс-контроль? Не хотелось бы танцевать с нищими.

Лира хмыкнула, поймав мой взгляд через зеркало.

— На террасу пускают всех, но не волнуйся, мы познакомим тебя с нужными людьми. У тебя, я вижу, со стилем проблем нет.

— У меня фамилия де Ларуа, — небрежно бросила я, отрывая свой чемодан. — Проблемы со стилем у нас законодательно запрещены.

Девушки переглянулись и одобрительно закивали. Я прошла тест. Я была «своей».

Подготовка к вечеринке напоминала священный ритуал. В воздухе витали ароматы лаванды, сандала и морской соли. Мы решили выбрать образы планетарных богинь — легкость, сакральность и неприкрытая сексуальность. Идеально для морского климата.

— Вивьен, стой смирно, — скомандовала Лира. Она направила на меня три маленьких левитирующих зеркала. Они кружили вокруг, позволяя мне видеть себя со всех сторон одновременно. Это было удобнее любого трюмо в мире!

Я выбрала платье из золотистой ткани, которая на ощупь напоминала жидкий металл. Оно держалось на одном плече, оставляя второе обнаженным, а глубокий разрез на бедре позволял демонстрировать ноги при каждом шаге. Ткань струилась по телу, подчеркивая грудь и тонкую талию.

— Ты похожа на Венеру, которая решила захватить мир,
— восхищенно выдохнула Альмина.

Сама Альмина оделась в нежно-голубое платье-хитон, которое, казалось, было соткано из морской пены. В ее волосах, благодаря магии, застыли настоящие капельки воды, сверкающие как бриллианты.

Лира же выбрала серебро. Строгое, геометричное платье с открытой спиной делало ее похожей на холодную и недоступную Луну.

Я достала из шкатулки массивные золотые браслеты-наручи и сандалии с высокой шнуровкой, обвивающей икры.

— Мы не просто убьем их, — я встряхнула волосами, которые теперь лежали идеальной золотой волной. — Мы заставим их молиться на нас.

— Мне нравится твой настрой, Львица, — улыбнулась Альмина. — Кстати, говорят, сегодня будут выступать старшекурсники-иллюзионисты. Они обычно устраивают неплохое шоу, но мы-то знаем, что главные звезды — это мы.

— Иллюзионисты? — переспросила я, застегивая серьгу. Сердце почему-то пропустило удар, но я списала это на волнение перед выходом. — Пф-ф. Что может быть интересного в фальшивках?

— О, поверь, — Лира хитро прищурилась, глядя в свое отражение. — Иногда фальшивка выглядит соблазнительнее правды. Ну что, богини? Пора спускаться с небес на землю к смертным.

Мы вышли на балкон, чтобы пройти по нему к главной лестнице. Ветер подхватил подолы наших платьев, заставляя их красиво развеяться. Мы шли втроем, рука об руку — Золото, Серебро и Лазурь. Три королевы Академии.

Я чувствовала себя всемогущей. У меня была шикарная комната, элитные подруги и платье, которое стоило как небольшая яхта.

— Луминвер, встречай, — прошептала я, чувствуя, как магия предвкушения бурлит в крови. — Вивьен де Ларуа вышла на охоту.

Глава 4. Таро, вино и астрологическая несовместимость

Если рай для эстетов существовал, то он находился на верхней террасе Академии «Эфир» в восемь вечера.

Вечеринка, которую пафосно назвали «Бал Первого Заката», превзошла мои ожидания. Я, честно говоря, готовилась к унылому собранию ботаников, обсуждающих кисти и ноты, но реальность оказалась куда приятнее.

Терраса парила над морем, освещенная сотнями левитирующих фонариков, которые меняли цвет от теплого золотого до глубокого фиолетового. Вместо жестких стульев здесь были разбросаны мягкие бархатные кушетки и горы подушек. Столы ломились от экзотических фруктов, названия которых я даже не знала, и хрустальных графинов с вином.

— Вивьен, попробуй это, — Лира протянула мне бокал с напитком лазурного цвета. — «Слеза Сирены». Говорят, от него голос становится чище, а мысли — легче.

Я сделала глоток. Вино было сладким, терпким и оставляло на языке привкус морской соли и меда.

— Недурно, — признала я, окидывая взглядом толпу. — Очень недурно.

Вокруг царил атмосфера расслабленной роскоши. Девушки в летящих платьях смеялись, откидывая головы на-

зад, парни (многие из которых были весьма привлекательны) подливали им вино. Я заметила нескольких преподавателей, которые вместо того, чтобы следить за порядком, беззастенчиво флиртовали со старшекурсницами.

— Тот пожилой профессор, кажется, забыл, что он на работе, — хмыкнула я, кивнув в сторону высокого мужчины, который нашептывал что-то на ухо рыжеволосой студентке.

— О, здесь это норма, — Альмина лениво потянулась на кушетке, и капли воды в ее волосах сверкнули. — Искусство требует свободы, Виви. Рамки только мешают. К тому же, Арман ведет курс «Страсть в живописи». Практика, так сказать.

В центре террасы, где был освобожден пятачок для танцев, маги Огня устроили шоу. Двое парней с обнаженными торсами (я одобрительно прищурилась) жонглировали огненными шарами, которые превращались то в драконов, то в фениксов. Жар от пламени долетал даже до нас, приятно согревая прохладный морской воздух.

— Слушайте, — я отставила бокал. — А откуда у Академии столько денег? Все эти деликатесы, мрамор, содержание зданий прямо в море... Это стоит целое состояние.

— Спонсоры, дорогая, — Лира поправила свое серебристое платье. — Герцоги, короли, богатые торговцы. Все хотят быть причастными к прекрасному. Они жертвуют огромные суммы, чтобы потом говорить в своих салонах: «О, этот гениальный скульптор учился на мои деньги». Это престиж.

Искусство — самая дорогая игрушка в мире.

Я улыбнулась. Это мне было понятно. Покупать талант, чтобы потешить свое эго — классическая схема. Значит, я здесь не зря. Где крутятся большие деньги, там мое место.

— Кстати, о талантах, — Альмина вдруг села ровно, и ее глаза, обычно мягкие и мечтательные, потемнели. — Я принесла карты.

Лира закатила глаза, но подвинулась. — Опять? Альмина, ты же знаешь, я верю только в зеркала. Они не врут.

— Карты тоже не врут, если уметь спрашивать, — Альмина достала из складок платья колоду Таро. Карты были необычными — черными, с мерцающими серебряными узорами. — Вивьен, хочешь узнать, что тебя ждет в этом году?

Я фыркнула.

— Меня ждут вечеринки, легкая учеба и возвращение золота от отца. Но давай, развлекай.

Альмина перетасовала колоду. Воздух вокруг нее стал влажным и тяжелым. Она — Рак, предсказание — это по ее части. Альмина вытащила три карты и выложила их на низкий столик.

Первая карта. Колесо Фортуны.

— Перемены, — прошептала Альмина. — Твоя жизнь, Вивьен, сделает поворот, которого ты не ждешь. То, что было низом, станет верхом.

— Надеюсь, это значит, что я стану королевой курса, — усмехнулась я.

Вторая карта. Влюбленные.

— О-о-о, — протянула Лира. — Романтика?

Альмина нахмурилась. На карте были изображены не просто мужчина и женщина, а две фигуры, связанные цепями, одна из которых тянулась к свету, а другая — в бездну.

— Это не просто романтика, — тихо сказала она. — Это выбор. Искушение. Кто-то украдет твое сердце, Вивьен, но этот кто-то... он не из твоего мира.

— Пф, — я махнула рукой. — Не из моего мира? Тогда никаких шансов.

Альмина не улыбнулась. Она перевернула третью карту. Башня. На карте молния била в высокий шпиль, и люди падали в бушующее море.

— Опасность, — голос Альмины стал почти неслышным. — Твой идеальный мир рухнет. Фундамент, на котором ты стоишь, окажется песком. Берегись теней, Львица.

По спине пробежал холодок, но я тут же стряхнула его. Я — дочь де Ларуа. Мой фундамент — это золото моего отца. Ничего со мной не случится.

— Скучно, — заявила я, вставая. — Слишком много драмы, Альмина. Мне нужно еще вина.

Я направилась к столу с напитками, чувствуя на себе десятки любопытных взглядов. Мое золотое платье сияло в свете фонарей, и я знала, что выгляжу сногшибательно.

Вдруг чья-то рука перехватила мое запястье. Не грубо, но уверенно. Я обернулась, готовая поставить наглеца на место,

и...

— Привет, Муза.

Рен. Конечно, это был он. Как его вообще пустили сюда? На нем была такая же широкая рубашка, только теперь белая и расстегнутая почти до середины груди, открывая вид на ключицы. В рыжих волосах запутались блестки.

— Ты? — я выгнула бровь. — Разве официантам разрешено хватать гостей за руки?

— Я сегодня не на смене, — он улыбнулся, и эта улыбка была такой обезоруживающей, такой нагло-счастливой, что мне захотелось стереть ее. Или... нет, просто стереть. — Я пришел танцевать. А ты стоишь тут, сияешь ярче всех фонарей, но выглядишь такой одинокой.

— Я не одинока, а избирательна, — отрезала я.

— Тогда выбери меня на один танец.

Прежде чем я успела возразить, он потянул меня в центр террасы. Музыка сменилась — заиграло что-то ритмичное, с барабанами и скрипками. Я хотела вырваться, но... Рен двигался удивительно хорошо. Для бедняка. Он вел уверенно, его ладонь на моей талии была горячее, и между нами словно проскакивали крошечные статические разряды.

Мы кружились, и мое золотое платье смешивалось с его белой рубашкой. Я видела, как на нас смотрят. Лира и Альмина перешептывались, прикрыв рты ладонями.

— Ты неплохо двигаешься, — процедила я, стараясь не смотреть в его темно-синие глаза. — Где научился? На де-

ревенских плясках?

— В цирке, — легко ответил он, крутанув меня так, что у меня перехватило дыхание. — Я подрабатывал там пару лет. Ловкость рук и никакого мошенничества.

— Циркач, — фыркнула я. — Это многое объясняет. Твои дешевые фокусы с розами, например.

— Тебе понравилась роза, — он наклонился к моему уху, и его шепот вызвал у меня мурашки. — Я видел, как ты смотрела. Ты можешь сколько угодно строить из себя ледяную королеву, Вивьен, но внутри ты...

— Кто? — я дерзко вскинула подбородок.

— Огонь. Живой, настоящий огонь.

Музыка замедлилась. Мы остановились, но Рен не убрал руку с моей талии. Мы стояли слишком близко. Неприлично близко. От него пахло морем, озоном и какой-то сладкой краской. Станный, будоражащий запах.

— Кто ты по знаку? — вдруг спросила я. Это было важно. Астрология никогда не врет.

— Близнецы, — ответил Рен, сверкнув глазами. — Воздух. Перемены. Иллюзии.

Я отстранилась, разрывая контакт. Магия момента, если она и была, рассыпалась.

— Воздух, — повторила я с усмешкой. — Знаешь, что Воздух делает с Огнем?

— Раздувает его? Делает ярче? — он шагнул ко мне.

— Задувает, — холодно отрезала я. — Делает его неста-

бильным. Львы и Близнецы несовместимы, Рен. Астрология говорит «нет».

— А что говоришь ты?

Я окинула его взглядом с ног до головы. Потертые брюки, растрепанные волосы, дешевые сандалии. И эта его раздражающая жизнерадостность, за которой, я была уверена, скрывается пустота в карманах.

— А я говорю, что не танцую со стипендиатами дольше одной песни. Это вредит моей репутации.

Я увидела, как его улыбка на секунду дрогнула, но не исчезла. Он был непробиваем. Но мне было все равно. Я развернулась на каблуках, махнув золотым подолом, и направилась обратно к своим подругам, к вину и к миру, где все было понятно, дорого и стабильно.

Альмина смотрела на меня с тревогой.

— Вивьен, — тихо сказала она, когда я упала на кушетку. — Карта «Влюбленные»... Помнишь, я говорила про искушение?

— Забудь, — я сделала большой глоток вина, пытаюсь смыть привкус моря с губ. — Это была ошибка. Близнецы и Львы — это катастрофа. Я не собираюсь тратить свое время на ходячее стихийное бедствие с пустым кошельком.

Но почему-то, глядя на то, как Рен теперь танцует с какой-то смешливой первокурсницей, создавая вокруг нее вихрь из светящихся бабочек, я чувствовала странное, колющее раздражение.

Ну что, дорогие друзья, основные фигуры уже появились на нашей воображаемой шахматной доске. Золотая девочка Вивьен и бедный, но талантливый художник Рен.

Как вам первые взаимодействия этой парочки? Как думаете, у Рена получится растопить лед высокомерия Вивьен? Очень ждем ваши первые предположения!

И хотим напомнить, что ваши лайки, библиотеки и комментарии очень помогут продвижению нашей книги. Заранее благодарим и обнимаем!

Глава 5. Похмелье, звезды и скука смертная

Утро началось не с кофе и даже не с пения райских птиц, а с ощущения, что в моей голове поселился гном с отбойным молотком.

— «Слеза Сирены», — прохрипела я в подушку. — Будь ты проклята.

Я приоткрыла один глаз. Солнце, нагло заливавшее комнату через панорамные окна, показалось мне личным врагом. Лира и Альмина уже упорхнули — их кровати были идеально заправлены. Конечно, у них, наверное, есть какое-нибудь заклинание «Анти-похмелье» или «Зеркальная свежесть». А я, бедная Львица, должна страдать как обычная смертная.

Я сползла с кровати и поплелась в ванную, там все-еще горел свет, который я вчера оставила на ночь. Отражение в зеркале не обрадовало: идеальные локоны спутались, под глазами залегли легкие тени.

— Ну нет, — сказала я своему отражению. — Так дело не пойдет.

Холодный душ и щедрая порция увлажняющего крема (слава богам, косметику у меня не отобрали) немного вернули меня к жизни. Но голова все еще гудела, напоминая о

вчерашних танцах, вине и... о наглom Близнеце с его дешевыми фокусами.

— Забудь, — приказала я себе, надевая темные очки прямо в комнате. — Сегодня у тебя важный день. День, когда ты найдешь самый легкий предмет в этой Академии.

Кабинет академического астролога находился в Башне Ветров. Подниматься туда пришлось по гигантской винтовой лестнице, не предназначенной для моих каблуков, и к моменту, когда я добралась до двери, я была готова убивать.

— Войдите! — раздался скрипучий голос.

Внутри пахло ладаном и старой бумагой. Потолок был зачарован — по нему плыли настоящие облака и светили созвездия, несмотря на то, что на улице был день. За столом, заваленным свитками, сидела миниатюрная старушка в тюрбане, украшенном брошью в виде Сатурна.

— А, Львица, — она даже не подняла глаз от карты, которую чертила. — Опаздываем. Впрочем, Львы считают, что время вращается вокруг них. Садитесь, дитя. Меня зовут профессор Кассиопея.

Я опустилась в мягкое кресло, стараясь не морщиться от запаха благовоний.

— У меня голова болит, — пожаловалась я. — Можно побыстрее? Мне нужно знать, на какие занятия записаться, чтобы... кхм... максимально раскрыть свой потенциал.

Профессор хмыкнула и взмахнула рукой. Свиток перед ней взмыл в воздух и развернулся. Это была моя натальная

карта. Золотые нити соединяли планеты в сложный узор.

— Так-так... — она поправила очки. — Солнце во Льве. Ну, это видно невооруженным глазом. Эго размером с Академию, жажда внимания, драматизм. Луна в Весах... Хм, интересно. Вы стремитесь к гармонии и красоте, но зависимы от чужого мнения.

— Я не зависима! — возмутилась я. — Я просто знаю себе цену.

— Асцендент в Скорпионе, — проигнорировала она мою реплику. — О, вот где собака зарыта. За внешней мишурой и блеском скрывается стальной стержень, Вивьен. И страсть. Разрушительная, глубокая. Вы не просто огонек свечи, вы — лесной пожар, если вас разозлить.

— Звучит пугающе, — признала я. — И что мне с этим делать?

— Учиться управлять, — Кассиопея посмотрела на меня пронзительно, словно видела насквозь. — Ваша стихия — Огонь. Ваш особый дар — Голос. Но с такой картой... вам нужно искусство, которое требует не только выхода энергии, но и контроля.

Она взяла перо и быстро набросала список на пергаменте.

— Рекомендую:

Вокал (очевидно).

Драматургию и сценическое искусство (вашему эго там понравится).

Историю магических искусств (для общего развития).

Управление эмоциями (обязательно, иначе вы разнесете Академию при первой же истерике).

Я взяла список двумя пальцами.

— История? Это же читать надо. А управление эмоциями — это что, медитации?

— Это выживание, милочка, — отрезала профессор. — Ступайте. Звезды не любят, когда их заставляют ждать.

Следующие три часа были худшими в моей жизни (не считая того момента, когда мне не продали туфли из лимитированной коллекции).

Сначала я пошла на «Живопись Эмоциями». Я думала, это будет весело — стоишь, машешь кистью, выражаешь себя. Ага, как же. Преподаватель заставил нас смешивать краски собственными пальцами, чтобы «почувствовать текстуру цвета». Когда капля охры попала мне на шелковый рукав, я просто встала и ушла. Мой маникюр стоил дороже, чем весь инвентарь в этом классе.

Потом я заглянула на «Скульптуру из Света». Звучало красиво. На деле же мы сидели в полной темноте и пытались ментально удержать огненный шар. У меня получилось создать яркую вспышку, которая ослепила соседа справа и заставила преподавателя прослезиться.

— Слишком много агрессии! — завопил он. — Мягче, нежнее!

Я решила, что «нежнее» — это не про меня, и сбежала, пока он протирает глаза.

И, наконец, «История искусств». Аудитория была похожа на склеп. Пыль, тишина и монотонный голос лектора, бубнящего про влияние Луны на архитектуру пятого века. Я уснула через десять минут. Проснулась от того, что уронила свою сумку. Стыдливо прикрываясь темными очками, я выскользнула в коридор.

— Это провал, — простонала я, прислонившись к прохладной стене. — Мне ничего не подходит. Я бездарность. Красивая, богатая, но бездарность.

— Вивьен! — звонкий голос вывел меня из депрессии.

По коридору, цокая каблучками, шли Лира и Альмина. Они выглядели так, словно только что вышли из спа-салона: свежие, сияющие, ни намек на вчерашнюю вечеринку. Ведьмы.

— Почему вы такие... живые? — спросила я с завистью.

— Водная магия, — подмигнула Альмина, покручивая локон. — Вымывает токсины. А ты чего такая кислая? Звезды напророчили безбрачие?

— Хуже, — буркнула я. — Звезды напророчили учебу. Я была на трех занятиях, и это ужасно. Грязно, скучно или темно. Я думала, здесь учат пить вино и красиво стоять на сцене.

Лира рассмеялась, и ее смех отозвался легким звоном, как от хрусталя.

— О, этому тоже учат, но на старших курсах. Слушай, забей пока. Первый день всегда такой. Пойдем лучше в Сад

Шепчущих Роз. Там сегодня подают лимонад со льдом, и мы собираемся обсудить вчерашних кавалеров.

— Лимонад? — мои глаза загорелись. — И сплетни?

— Именно, — кивнула Лира. — Говорят, принц Кассений в столичной академии подрался из-за какой-то первокурсницы. Мы должны узнать детали.

Я выпрямилась, поправила очки и почувствовала, как головная боль отступает. Вот оно. Мое призвание. Социальная жизнь.

— Ведите, девочки, — сказала я величественно. — Кажется, я нашла предмет, по которому у меня будет «отлично».

Привет, любимые!

Как думаете, сумеет ли Ви найти учебный предмет, который будет ей по душе? И если да, то что это будет?

И у нас к вам огромная просьба: если вы еще не поставили оценку книге, пожалуйста, сделайте это. Мы понимаем, что просим у вас оценку авансом, когда история только-только началась, но без вашей поддержки книгу почти никто не видит, а мы мечтаем, чтобы как можно больше читателей ее увидели и заинтересовались. Ваш лайк очень нам в этом поможет!

Ваши Стаси и Элен Твенти

Глава 6. Шепчущие розы и луна в стекле

Сад Шепчущих Роз оправдывал свое название. Это был лабиринт из живых изгородей, где каждый цветок, если прислушаться, напевал какую-то мелодию. Одни бутоны тихонько мурлыкали джаз, другие выводили оперные арии. Воздух был сладким и тягучим, как карамель.

Лира и Альмина привели меня к белоснежной беседке, увитой плющом, где уже собралась «элита».

— Знакомьтесь, — провозгласила Лира, — Вивьен де Ларуа. Львица, которая считает, что зеркала существуют только для того, чтобы отражать ее великолепие.

Компания рассмеялась. Их было человек десять. Парни в идеально сшитых костюмах (никаких пятен краски, слава богам), девушки в шелках. Здесь были дети богатых торговцев, банкиров и даже племянница герцога Луминвера.

— Наконец-то свежая кровь, — лениво протянул блондин с бокалом в руке. Это был Дориан, маг Огня, как его представила Лира. — А то мы уже начали обсуждать погоду. Вивьен, скажи, правда, что твой отец купил половину торгового флота, чтобы возить тебе туфли из-за границы?

Я опустила в плетеное кресло, принимая бокал лимонада со льдом.

— Не половину, Дориан. Всего треть. Но туфли того стоили.

Мы говорили о том, о чем принято говорить в высшем обществе: кто с кем спит, у кого сколько стоит экипаж и какой фасон мантий будет в моде этой зимой. Я чувствовала себя как рыба в воде. Это был мой язык, мои правила, мой мир. Никаких грязных красок, никаких эмоциональных срывов. Только блеск, остроумие и легкий снобизм.

Но спустя два часа я поймала себя на мысли, что... зеваю. То ли разговоры мне наскучили, то ли похмелье давало о себе знать, но в какой-то момент я решила ретироваться.

— Девочки, — я изящно поднялась. — Вынуждена вас покинуть. Моя аура требует перезагрузки, а мой целитель говорит, что сон до заката — залог отсутствия морщин.

Под сочувствующие вздохи и обещания встретиться завтра я покинула беседку.

Моя комната встретила меня желанной тишиной. Солнце уже садилось, окрашивая море в цвета расплавленного золота и пурпура. Я скинула туфли, чувствуя невероятное облегчение, и упала на кровать, раскинув руки.

— Тишина, — прошептала я. — Лучшая музыка в мире. Я уже почти задремала, когда услышала звук. Тук-тук.

Я открыла глаза. Показалось? Моя комната находилась на третьем этаже, прямо над водой. Сюда не могли постучать. Разве что чайка решила разбиться о стекло.

Тук-тук-тук.

Настойчиво. Ритмично. Я села, нахмурившись. Подойдя к огромному окну, я отдернула штору и вскрикнула, отшатнувшись.

За стеклом, висая в воздухе, как ни в чем не бывало, застыл Рен. Он сидел по-турецки, словно под ним был не воздух, а невидимый ковер. Его волосы трепал ветер, а на лице сияла та самая улыбка, за которую в приличном обществе дают пощечину, а потом... потом вспоминают всю ночь.

Он постучал снова и жестом попросил открыть.

— Ты сумасшедший! — я дернула ручку и распахнула створки. Морской ветер ворвался в комнату, смешав запах соли с ароматом его странных духов. — Ты что тут делаешь?! Ты же упадешь!

— Не упаду, — легко отозвался он. — Воздух меня любит, помнишь? Близнецы умеют договариваться с ветром.

Рен плавно влетел в комнату и приземлился на паркет совершенно бесшумно. На нем была все та же простая одежда, но теперь в руках он держал обычную стеклянную банку, закрытую крышкой.

— Ты маньяк, — констатировала я, скрестив руки на груди. — Ты преследуешь меня. Я сейчас вызову охрану, и тебя исключат быстрее, чем ты скажешь «иллюзия».

— Я не маньяк, а художник, — возразил Рен, ничуть не испугавшись. — А художники не преследуют, они... ищут вдохновение. И я пришел не с пустыми руками.

Он протянул мне банку, внутри которой светилося необычная материя. Это был не огонь, не магический светильник, а мягкий, серебристо-голубой свет, который клубился, как жидкий дым. Он был холодным и замораживающим.

— Что это? — спросила я, забыв про охрану.

— Лунный свет, — просто ответил Рен. — Я поймал его вчера ночью, когда ты ушла. Он отражался в воде, и я подумал... это тот же оттенок холода и красоты, что и в твоих глазах, когда ты на меня злишься.

Я замерла. Это был самый дурацкий и одновременно самый поэтичный подкат в моей жизни.

— Ты принес мне свет в банке? Серьезно? Не цветы, не конфеты, не бриллианты... а мне кусок атмосферного явления?

— Бриллианты холодные и твердые, — Рен сделал шаг ко мне. — А этот свет... смотри.

Он слегка встряхнул банку. Свет внутри вспыхнул ярче, и по стенам комнаты побежали серебряные зайчики, превращая мою спальню в звездное небо.

— Ты боишься темноты, Вивьен, — вдруг сказал он тихо. Это не был вопрос.

Я вздрогнула.

— С чего ты взял?

— Ты спишь с включенным ночником в ванной, — он кивнул на приоткрытую дверь, откуда действительно падал

свет. — Я заметил вчера, когда проходил мимо по карнизу... кхм, неважно. В общем, теперь тебе не нужен ночник. Этот свет не погаснет, пока ты не захочешь спать.

Я стояла, сжимая банку, и чувствовала себя странно. Рен следил за мной? Это было возмутительно! Но в то же время он заметил незначительную деталь, которую проигнорировали даже мои соседки. Никто никогда не замечал, что я оставляю свет включенным, потому что в полной темноте мне кажется, что я исчезаю.

Это злило. И пугало.

— Убирайся, — сказала я, стараясь вернуть голос в привычный надменный регистр. — Забирай свою банку и лети отсюда, пока я не закричала. Мне не нужны твои подарки, мальчик из подворотни.

Рен посмотрел на меня. В его глазах не было обиды, только какое-то веселое понимание, которое бесило еще больше.

— Оставь себе, — подмигнул Рен. — Лунный свет идет к твоим глазам. Спокойной ночи, Муза.

Рен шагнул назад, прямо в открытое окно. Я ахнула, бросившись к подоконнику, но он не разбился. Поток воздуха подхватил его, и он, смеясь, растворился в сумерках, оставив после себя лишь легкий запах морского бриза и банку с пойманной луной в моих руках.

Я посмотрела на светящийся вихрь за стеклом.

— Идиот, — прошептала я и поставила банку на стол.

В эту ночь я впервые за много лет выключила свет в ван-

ной.

Глава 7. Горящие журавлики и ария разрушения

Если проклятые миры существуют, то это не пауки и полчища скелетов. Это лекции по Истории Магических Искусств в восемь утра.

Аудитория напоминала древний амфитеатр, где воздух был настолько спертый, что его можно было резать ножом. Профессор, сухонький старичок, похожий на ожившую мумию, бубнил что-то о влиянии лунных фаз на затвердевание магической глины.

Я сидела на третьем ряду, подперев щеку рукой, и отчаянно боролась с желанием уснуть. Мои идеальные локоны уже начали терять объем от этой атмосферы вселенской тоски.

— ...таким образом, мы видим, что вибрации эфира... — бубнил профессор.

Я вздохнула, рисуя на полях тетради новый эскиз платья. С глубоким декольте и разрезом до бедра. Может, хоть это меня развлечет.

Вдруг воздух над моей головой слегка дрогнул. Я подняла глаза и увидела, как на столе передо мной плавно планирует бумажный журавлик. Обычный, сложенный из тетрадного листа.

Я нахмурилась. Кто это играет в детском саду?

Но стоило журавлику коснуться лакированной поверхности стола, как он... ожил. Бумага затрепетала, расправляя крылья. Журавлик вытянул шею, моргнул нарисованным чернилами глазом и, набрав в крошечную бумажную грудь побольше воздуха, запел.

Нет, он не просто запел. Он заорал фальцетом на всю аудиторию:

— О, Вивьен! Твой взгляд — как сталь! Но я пробью твою печаль! Ты прекрасна, спору нет, Ты — мой завтрак и обед!

В аудитории повисла гробовая тишина. Профессор поперхнулся на слове «глина». Тридцать пар глаз уставились на меня. Кто-то хихикнул. А Лира так и вовсе откровенно заржала.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу. Не от смущения. От ярости. «Завтрак и обед»?! Серьезно?!

Я резко обернулась. На самом последнем ряду, развалившись на стуле, сидел Рен. Он нагло улыбался и махал мне рукой, словно мы были лучшими друзьями. Вокруг его пальцев все еще плясали искорки магии воздуха и иллюзий.

— Ты покойник, — одними губами произнесла я.

Журавлик на столе набрал воздуха для второго куплета: — Твои губы — сладкий мед...

— Заткнись! — рявкнула я.

Моя ладонь сама собой вспыхнула. Магия Огня, подогретая гневом Льва, вырвалась наружу. Я хлопнула ладонью по поющему оригами. Вспышка пламени озарила полумрак

аудитории. Журавлик вспыхнул мгновенно, превратившись в кучку пепла, от которой поднимался тонкий дымок.

— Мадемуазель де Ларуа! — взвизгнул профессор, поправляя очки. — Мы здесь изучаем историю, а не устраиваем инквизицию!

— Простите, профессор, — я мило улыбнулась, стряхивая пепел с маникюра. — Просто ненавижу плохую поэзию. У меня на нее аллергия.

Я снова оглянулась назад. Рен беззвучно смеялся, закрыв лицо руками. Ну погоди, шут гороховый.

После лекции я была готова убивать, но по расписанию у меня стоял Вокал. «Отлично, — подумала я, шагая по коридору. — Сейчас я выпущу пар».

Зал для вокала был великолепен. Огромное круглое помещение с идеальной акустикой, стены обшиты звукопоглощающим деревом. В центре стоял рояль, за которым сидела мадам Софи — статная дама с высокой прической и взглядом, способным заморозить кипяток. Она была Львицей, как и я, и считалась лучшим педагогом по Голосу в королевстве.

— Сегодня мы проверяем ваш потенциал, — объявила она, когда группа собралась. — Не стесняйтесь. Ваш голос — это ваша сила. И пусть только Львы могут им зачаровывать, но каждый может научиться петь так, чтобы у слушателей перехватило дыхание. Выпустите зверя.

Первой вышла пухленькая девушка-Телец. Она запела тихо, неуверенно, голос оказался тяжелым, вязким, и от него

хотелось спать. Потом был парень-Овен. Он просто кричал. Громко, агрессивно, без всякой мелодии. Мадам Софи поморщилась.

— Следующая, — она указала на меня смычком. — Виьен де Ларуа. Я наслышана о вашем... темпераменте. Покажите, на что вы способны.

Я вышла в центр зала. Внутри все еще кипело раздражение из-за выходки Рена. Этот идиотский журавлик, эти смешки... Мне хотелось кричать.

Я закрыла глаза. Представила ту самую банку с лунным светом, которую он мне принес. Холодный свет. И горячее пламя, которое сожгло бумагу. Контраст.

Я набрала в грудь воздуха. И запела.

Это была не простая песня, а вокализ без слов, чистая эмоция. Я вложила в звук всю свою злость, все свое высокомерие, всю свою жажду быть лучшей.

Первая нота прозвучала низко, вибрируя в полу. Я почувствовала, как магия Льва просыпается в горле, горячая и тягучая, как лава. Я подняла тон выше. Голос заполнил зал мгновенно. Плотный и осязаемый он бился о стены, не находя выхода.

Магия голоса — это индивидуальный дар всех Львов. Боевые маги использовали свой голос, чтобы оглушать противников, а творцы, по всей видимости, чтобы очаровывать слушателей. Потому что, когда я открыла глаза, все студенты смотрели на меня, затаив дыхание. Парень-Овен даже сделал

шаг назад. А я усилила напор до крещендо. Стекла в высоких окнах жалобно задребезжали. Хрустальная люстра под потолком начала раскачиваться, звеня подвесками в такт моей мелодии.

Я чувствовала власть. Абсолютную, пьянящую власть. Мой голос мог заставить их плакать, мог заставить их пасть на колени, мог разбить этот зал вдребезги.

Я взяла самую высокую ноту, вкладывая в нее финальный аккорд силы. Дзынь!

Треснул графин с водой на столе преподавателя. Осколки разлетелись в стороны, вода хлынула на журнал. В зале повисла звенящая тишина.

Я выдохнула, чувствуя, как дрожат колени от отката силы. Поправила идеально уложенные волосы и посмотрела на мадам Софи.

Преподавательница медленно встала. В ее глазах, обычно холодных, горел профессиональный азарт.

— Разрушительно, — произнесла она, и в тишине ее голос прозвучал как выстрел. — Грубо. Неотесанно. Никакого контроля. Вы чуть не обрушили на нас потолок, милочка.

Я уже хотела возмутиться, но она вдруг улыбнулась. Хищно, по-львиному.

— Но это был самый мощный природный дар, который я слышала за последние десять лет. Добро пожаловать в мой класс, Вивьен. Мы сделаем из вас оружие массового поражения. Или примадонну. Что, в сущности, одно и то же.

Я гордо вскинула подбородок, ловя на себе восхищенные (и испуганные) взгляды однокурсников. Да. Вот это мне нравится.

Привет, дорогие наши! Ну как вам первый урок вокала Вивьен?. Кажется, мадам Софи не шутила, когда говорила, что Львы могут заставлять сердца биться в своем ритме.

Вопрос дня: А какой магический дар из нашего мира Астреллора вы бы хотели себе? Петь так, чтобы дрожали стекла, или создавать живые иллюзии из бумаги, как это делает наш несносный Рен?

Пишите в комментариях, нам с сестрой очень интересно почитать ваши версии!

Глава 8. Исчезнувшая соседка и вино на паркете

После триумфа на вокале я возвращалась в комнату, паря в полуметре над землей от собственной значимости. Мадам Софи назвала меня «оружием массового поражения». Разве это не лучший комплимент для девушки?

Я толкнула дверь, ожидая увидеть привычную картину: Альмина поливает свои водяные цветы, а Лира разговаривает с зеркалом. Но в комнате было тихо. Слишком тихо.

У окна, нервно постукивая пальцами по подоконнику, стояла Лира. Ее идеальная осанка казалась чересчур напряженной. Кровать Альмины была пуста, а на тумбочке стоял недопитый стакан с водой, в котором увяла роза.

— Где наша Русалочка? — спросила я, бросая сумку на кресло. — Я хотела рассказать ей, как разбила графин силой голоса. Это было эпично.

Лира обернулась. В ее серых глазах мелькнуло беспокойство, что для хладнокровной Девы было нонсенсом.

— Альмину увезли в лазарет час назад.

— Что случилось? — я нахмурилась. — Переела мидий в столовой? Я говорила ей, что морепродукты в четверг — это риск.

— Нет, Вивьен. Не мидии. Она просто... погасла. — Лира

потерла виски. — Утром она была веселой, а к обеду стала бледной, как полотно. Сказала, что не чувствует воду. Пыталась создать простую каплю, но ничего не вышло. Целители сказали — магическое истощение.

Я фыркнула, подходя к зеркалу и поправляя прическу.

— Истощение? В начале семестра? Она, наверное, просто перенервничала из-за того парня с третьего курса. Полежит пару дней, попьет витамины и вернется.

Меня это мало волновало. Люди болеют, люди устают. Это нормально. Главное, что я была полна сил.

Лира посмотрела на меня долгим взглядом, потом вздохнула и тряхнула головой, словно сбрасывая наваждение.

— Ты права. Альмина сильная, выкарабкается. А нам нельзя киснуть. Сегодня в «Лазурном Гроуте» закрытая вечеринка. Только для золотой молодежи и приглашенных. Идем?

Я улыбнулась своему отражению.

— Дай мне пятнадцать минут, чтобы переодеться. Я должна выглядеть так, чтобы у всех перехватило дыхание.

«Лазурный Грот» оказался не просто пещерой, прилегающей к острову с академией, а роскошным залом, вырубленным прямо в скале под уровнем моря. Одна стена была полностью стеклянной, открывая вид на подводный мир. За толстым стеклом проплывали светящиеся медузы и разноцветные рыбы, создавая живые, гипнотические декорации.

Здесь пахло деньгами, дорогим парфюмом и интригами.

Играл живой квартет, официанты в белых перчатках разносили шампанское на серебряных подносах.

Я чувствовала себя королевой. На мне было платье цвета бургунди с открытой спиной, которое идеально контрастировало с моими золотыми волосами. Дориан (тот самый маг Огня) тут же подхватил меня под руку, рассказывая какую-то сплетню про декана.

— Вивьен, ты слушаешь? — спросил он, протягивая мне бокал.

— Конечно, — солгала я, блуждая взглядом по залу. И тут я поперхнулась воздухом.

Прямо перед нами, лавируя между гостями с подносом полным бокалов, шел Рен. На нем была форма официанта: черные брюки, белая рубашка и жилетка. Но даже в этой униформе он умудрялся выглядеть... неправильно. Верхняя пуговица расстегнута, рукава закатаны, а из кармана жилетки торчит какой-то яркий платок.

«Что он здесь делает?!» — мысленно возопила я. Ах да. Работает. Стипендиат.

Я резко отвернулась, делая вид, что изучаю проплывающую за стеклом акулу. Только бы он не подошел. Только бы не заговорил. Если Дориан и остальные увидят, что я знакома с официантом, моя репутация даст трещину.

Но Рен, конечно же, меня заметил. Краем глаза я увидела, как он расплылся в улыбке. Проходя мимо, он замедлил шаг и... подмигнул мне. Нагло, весело, словно мы были сообщ-

никами в каком-то преступлении.

Я сжала ножку бокала так, что она чуть не треснула. Игнорируй, Вивьен. Просто игнорируй.

Через пять минут он прошел снова. На этот раз он помахал мне свободной рукой, пока наливал вино какой-то графине. Графиня, кстати, смотрела на него с явным интересом.

— Вивьен, ты какая-то напряженная, — заметила Лира, подходя к нам.

— Просто душно, — процедила я.

Рен появился в третий раз. Он направлялся прямо к нашей компании с новым подносом, полным красного вина. Его глаза смеялись. Он явно наслаждался ситуацией и хотел кинуть какую-нибудь неподобающую фразочку. Я видела это по его лицу — он уже открыл рот, чтобы выдать очередную глупость про «Музу» или «Луну».

Ну уж нет. Я не позволю ему опозорить меня перед элитой.

Когда он поравнялся со мной, я сделала вид, что эмоционально жестикулирую, рассказывая историю. Моя рука «случайно» дернулась вправо. Резко. Точно. Прямо по краю тяжелого серебряного подноса.

— Ой! — воскликнула я притворно.

Поднос выскользнул из рук Рена. Время словно замедлилось. Десять бокалов с дорогим красным вином полетели вниз, на идеально отполированный светлый паркет.

ДЗЫНЬ!

Звук бьющегося стекла перекрыл музыку. Алые брызги разлетелись веером, заливая пол, брюки Рена и туфли стоящих рядом гостей. В зале повисла мертвая тишина. Все повернулись к нам.

— Боже, какой кошмар, — громко сказала я, глядя на Рена с холодным презрением. — Ты что, совсем не смотришь, куда идешь?

Я ожидала, что он смутится. Покраснеет. Будет извиняться, ползать на коленях, собирая осколки, пока управляющий будет его отчитывать. Я хотела поставить его на место. Указать ему, где находится прислуга, а где — господа.

Но Рен не покраснел. Он посмотрел на меня. В его темно-синих глазах на секунду мелькнуло что-то похожее на удивление, но оно тут же сменилось озорным блеском. Он понял, что я сделала это специально.

— Прошу прощения, мадемуазель, — его голос был ровным и звонким. — Вино действительно вырвалось на свободу. Но разве искусство можно удержать в бокале?

Он щелкнул пальцами. Воздух в зале задрожал. Рен плавно провел рукой над огромной алой лужей, растекшейся по паркету.

— Смотрите, — прошептал он.

Жидкость не дрогнула — Близнецы ведь не управляют водой, но от нее потянулись маленькие иллюзорные нити, имитирующие вино. Алые ручейки иллюзий закручивались в спирали, осколки стекла взмывали в воздух, превращаясь в

сверкающую пыль. Прямо на наших глазах в воздухе сначала появились лепестки. Огромные, бархатные, кроваво-красные лепестки. А потом и стебли, сотканые из теней и света. Через секунду перед гостями, «цвела» гигантская, невероятно реалистичная роза, а стеклянная крошка осела на ее лепестках, имитируя утреннюю росу.

Зал ахнул. Кто-то захопал.

— Гениально! — воскликнул Дориан. — Это часть шоу? Браво!

Рен выпрямился и отвесил мне глубокий, театральный поклон.

— Спасибо за содействие в создании шедевра, мадемуазель де Ларуа. Без вашего... толчка вдохновение бы меня не посетило.

Он улыбнулся мне той самой улыбкой, от которой хотелось скрипеть зубами, подмигнул и, подхватив пустой поднос, удалился под аплодисменты гостей.

Я стояла посреди зала, чувствуя, как горят щеки. Я хотела его унижить. Я хотела превратить его в неуклюжего дурака. А он превратил мой гнев в искусство. И снова вышел победителем.

— А он хорош, — прошептала Лира мне на ухо. — И симпатичный. Может, зря ты его так?

Я развернулась и залпом выпила шампанское из чужого бокала.

— Не зря, — буркнула я. — Теперь это война.

Ну как вам выходка Вивьен на вечеринке? Как думаете, Рен действительно не обиделся или он просто мастерски скрывает свои чувства за иллюзиями?

Нам с сестрой очень важно ваше мнение! Не забывайте ставить лайк книге и писать комментарии — это очень помогает продвижению нашей истории! ♥️#

Глава 9. Украденная нота и дуэт поневоле

— Синтез искусств, — провозгласила мадам Софи, расхаживая по огромному залу с высокими потолками. — Это не просто совместное выступление. Это слияние душ! Голос рождает образ, образ усиливает звук. Вы не два человека, вы — единый организм!

Я стояла у окна, скрестив руки на груди, и скептически наблюдала за этим балаганом. Сегодняшнее занятие было совместным для вокалистов и иллюзионистов. Идея заключалась в том, чтобы разбить нас на пары: один поет, второй создает визуальный ряд — из воды, огня или воздуха.

Звучало красиво. Выглядело... жалко.

Парень-Телец пытался петь балладу о любви, но выходило больше похоже на рев раненого бизона. Его напарник, тощий маг Воздуха, создавал вокруг него какие-то невнятные серые облачка, отчего казалось, что бизон просто задымился.

— Скука, — вынесла я вердикт, поправляя браслет.

Моего партнера еще не назначили. Мадам Софи сказала, что для моего «специфического» тембра нужно подобрать кого-то, кто не оглохнет и сможет визуализировать мощь. Я восприняла это как должное.

В центре зала готовилась следующая пара. Это был Рен.

Разумеется, он был здесь. Стоял, расслабленный, с закатанными рукавами рубашки, и крутил в пальцах иллюзорную искру. Его напарницей была Клара — миловидная девушка с третьего курса, обладательница (по слухам) хрустального сопрано.

— Готовы? — рывкнула мадам Софи. — Поразите нас!

Рен кивнул Кларе. Та улыбнулась, набрала в грудь воздуха, открыла рот и...

Тишина.

Не просто пауза перед нотой. Это была ватная, плотная тишина, словно кто-то резко выключил звук во всем мире. Клара напряглась. Ее лицо покраснело. Она явно пыталась выдавить звук, ее связки вибрировали, но голос отказывался подчиняться. Ни писка, ни хрипа. Абсолютное ничто.

Рен, который уже занес руку для создания иллюзии, замер.

— Клара? — он шагнул к ней.

Девушка схватилась за горло. В ее глазах плескался дикий, животный ужас. Она беззвучно открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег. Из ее глаз брызнули слезы.

— Целителей! — крикнул кто-то из студентов.

Мадам Софи уже была рядом. Она приложила руку к шее Клары, и ее лицо потемнело.

— Магическая немота, — констатировала она. — Полная блокировка канала. Быстро в лазарет!

Два старшекурсника подхватили рыдающую Клару под руки и увели. Зал загудел.

— Второй случай за неделю, — прошептала какая-то девушка рядом со мной. — Сначала Альмина, теперь Клара. Что происходит?

Я лишь пожала плечами.

— Наверное, вирус, — громко сказала я, чтобы пресечь панику. — Или они просто перенапряглись. Меньше надо пить ледяной воды после репетиций.

Меня это, честно говоря, не сильно трогало. Клара мне не подруга, а конкурентка. Одной соперницей меньше. Жестокое? Возможно. Зато честно.

— Тишина! — голос мадам Софи перекрыл шум. — Шоу должно продолжаться. Мы здесь не для того, чтобы рыдать, а для того, чтобы работать. Рен!

Рен стоял посреди зала, глядя на закрывшуюся дверь зала. Он выглядел... потерянным. И злым. Впервые я не видела на его лице этой дурацкой улыбки.

— У тебя нет пары, — сказала мадам Софи. — А у мадемуазель де Ларуа нет иллюзиониста, способного выдержать ее напор.

Я похолодела. Нет. Только не это.

— Профессор, — я сделала шаг вперед, мило улыбаясь. — При всем уважении, я не думаю, что наши знаки совместимы. Рен — Близнецы, я — Лев. К тому же... — я окинула Рена презрительным взглядом, — у нас разные весовые

категории в искусстве.

Рен медленно повернул голову ко мне. Его синие глаза потемнели, как штормовое море.

— Боишься, что я снова превращу твой гнев в розу, Вивьен? — тихо спросил он.

— Боюсь, что ты испортишь мое выступление своими дешевыми фокусами, — парировала я.

— Хватит! — мадам Софи хлопнула в ладоши. — Это не просьба. Вивьен, Рен — в центр. У вас пять минут на импровизацию. Тема — «Стихия». Покажите мне, что бывает, когда Огонь встречается с Воздухом.

Я скрипнула зубами так, что чуть не стерла эмаль, но вышла в центр зала. Спорить с мадам Софи было себе дороже. Рен встал напротив меня. Близко. Слишком близко. Я чувствовала запах моря, исходящий от него.

— Просто пой, Муза, — шепнул он, и в его голосе не было привычной издевки, только сосредоточенность. — Не думай обо мне. Думай о том, что хочешь сжечь. Я подхвачу.

— Не смей меня позорить, — прошипела я.

Я закрыла глаза. Глубокий вдох. Я вспомнила пустой сундук отца. Вспомнила высокомерное лицо Клары до того, как она потеряла голос. Вспомнила страх ночной темноты.

Я запела. Низко, утробно, начиная с вибрации в груди. Это была мелодия пробуждающегося вулкана. Мой голос наполнил зал, густой и горячий. Я открыла глаза, ожидая увидеть жалкие искорки Рена.

Но я увидела магию.

Вокруг меня, повинувшись моему крещендо, из пола начали прорастать призрачные, но невероятно реалистичные деревья. Их стволы были сотканы из дыма, а листья — из чистого света. Я повысила тон — и лес вспыхнул. Это не был настоящий огонь, но иллюзия была такой живой, что зрители отшатнулись. Языки пламени плясали в такт моему голосу. Я брала высокую ноту — и огонь взмывал к потолку, превращаясь в огненных птиц. Я уходила в нижний регистр — и пламя стелилось по полу, как хищный зверь.

Рен не просто создавал картинку. Он слушал меня. Каждая его иллюзия была продолжением моего звука. Он ловил малейшие изменения моего настроения. Когда я добавила в голос тоску, огонь сменился пеплом, который медленно, красиво кружился вокруг нас, словно серый снег.

Это было... пьяняще. Впервые мне не нужно было сдерживаться. Я могла орать, могла шептать, могла взрываться — и Рен превращал это в красоту. Он давал моему хаосу форму.

Я закончила на пронзительной, чистой ноте, вложив в нее всю силу своих легких. В тот же миг Рен хлопнул в ладоши. Весь иллюзорный горящий лес, пепел, птицы — все это мгновенно сжалось в одну крошечную, ослепительно яркую звезду между нами. А потом звезда взорвалась мириадами безопасных, холодных искр, которые осыпали нас, как звездный дождь.

Тишина. На этот раз — восхищенная.

Я стояла, тяжело дыша, глядя на Рена. Его волосы были растрепаны, на лбу выступил пот. Иллюзии такого уровня требовали колоссальной концентрации. Он смотрел на меня. В его глазах блеснуло то же самое чувство, что и у меня внутри. Адреналин. Восторг. Признание.

— Неплохо для начала, — выдохнул он, утирая лоб рукавом.

Зал взорвался аплодисментами. Мадам Софи хлопала громче всех.

— Блестяще! — кричала она. — Вот это страсть! Вот это химия! Я же говорила!

Я выпрямилась, возвращая на лицо привычную маску безразличия. Но сердце колотилось как бешеное. Я ненавидела признавать это, но... Сегодня мы были чертовски хороши вместе.

Привет, любимые наши! Как вы думаете, что на самом деле случилось с голосом Клары? Это просто случайность или в Академии назревает что-то по-настоящему мрачное?

С нетерпением ждем ваших предположений ♥#

Глава 10. Уроки разбитых сердец и магия печали

— Ты громкая, — заявила мадам Софи, даже не подозревавшись, когда на следующий день я вошла в ее кабинет для индивидуального занятия. — У тебя луженая глотка, Виьен. На портовом рынке тебе бы цены не было.

Я замерла в дверях, поправляя шелковый шарфик.

— Я сочту это за комплимент, мадам. Мощностъ — это сила.

— Мощностъ — это молоток, — парировала преподавательница, сидя за черным роялем. Она указала мне на стул напротив. — А магия Льва — это скальпель. Или яд. Или, если угодно, поцелуй. Садись.

Кабинет мадам Софи был меньше репетиционного зала, но давил своим величием. Стены были увешаны портретами великих оперных див прошлого (половина из них, я была уверена, убила своих мужей голосом).

— Знаешь, почему Львы — это элита вокальной магии? — спросила она, беря сложный аккорд. — Другие знаки могут петь красиво, могут очаровывать. Но только Лев может приказывать.

Она резко ударила по клавишам.

— Твоя стихия — Огонь. Но в голосе Огонь трансформи-

руется в Волю. Когда ты поешь, ты не просто издаешь звуки. Ты создаешь канал прямо в подсознание слушателя. Ты можешь заставить толпу рыдать от счастья, когда вокруг война. Или заставить их дрожать от ужаса, когда светит солнце.

Мои глаза загорелись. Власть над эмоциями? Это звучало гораздо интереснее, чем разбивание графинов.

— И как это работает? — я подалась вперед. — Я просто должна захотеть?

— Ты должна вложить приказ в ноту, — объяснила Софи. — Представь эмоцию как жидкость. Ты набираешь ее в легкие вместе с воздухом, смешиваешь с магией и на выдохе толкаешь в чужую ауру. Сегодня мы начнем с простого. С грусти.

— С грусти? — я фыркнула. — Это скучно. Почему не с обожания? Я хочу, чтобы они падали ниц.

— Обожание — это высший пилотаж, милочка. Сначала научись портить людям настроение. Это у тебя, я полагаю, и без магии неплохо получается.

Я пропустила колкость мимо ушей.

— Итак, задача: спой мне гамму. До мажор. Но сделай так, чтобы мне захотелось плакать.

Я встала, расправила плечи. Грусть? Легко. Я подумала о том, как ужасно выглядела моя прическа сегодня утром из-за влажности. Это была настоящая трагедия. Я открыла рот и пропела:

— До-ре-ми-фа- соль...

Голос звучал чисто, звонко. Я старалась вложить в него все свое разочарование от климата Луминвера.

Мадам Софи сидела с каменным лицом. Она даже зевнула.

— Не верю. Это не грусть, Вивьен. Это каприз избалованной девочки, которой не купили пони. Твой слушатель должен почувствовать боль. Не твою. Свою. Ты должна найти в себе резонанс, который зацепит их раны.

— У меня нет ран, — огрызнулась я. — У меня идеальная жизнь.

— У всех есть раны, — тихо сказала Софи. — Попробуй еще раз. Найди то, что делает тебя одинокой.

Одинокой? Я хотела возразить. Я никогда не была одна. Вокруг меня всегда свита, поклонники, подруги. Но вдруг вспомнился пустой сундук. Холодный взгляд отца. И то, как мама смотрела в окно, даже не повернувшись на мой крик. В том огромном доме, полном слуг и золота, меня не слышали. Словно я была просто красивой декорацией.

Я впервые задумалась о том, что мой страх темноты мог быть связан с той пустотой, которую я пыталась заглушить деньгами. Одиночество? Так ли оно ощущается? Неужели, я и правда была одинока, даже когда меня окружала вереница «друзей»?

В груди кольнуло. Неприятно, холодно. Я уцепилась за это чувство. За страх быть ненужной. Быть просто «куклой», как сказал отец.

Я закрыла глаза. — Ля... Соль... Фа... — начала я спускаться вниз по гамме.

Теперь голос звучал иначе. Он стал тише, глуше, но в нем появилась вязкая, тягучая вибрация. Я представляла серый дождь. Пустую комнату. Зеркало, в котором никого нет. Я толкала эту эмоцию вперед, прямо в мадам Софи, подкрепляя своим магическим резервом.

«Тебе грустно. Ты одна. Никто не придет».

Воздух в кабинете стал тяжелым. Свет, казалось, померк. Когда я закончила на нижней ноте, в комнате повисла тишина.

Я открыла глаза. Мадам Софи сидела неподвижно. Ее руки лежали на коленях. Она медленно подняла голову, и я увидела, как в уголке ее глаза блеснула влага. Одна-единственная слеза скатилась по ее напудренной щеке, оставив темную дорожку туши.

Она моргнула, словно выходя из транса, и резко смахнула слезу.

— Вот так, — ее голос был слегка хриплым. — Вот это — магия Льва.

Я стояла, ошеломленная. Я заставила ее плакать. Не криком, не скандалом. Просто гаммой.

— Вы плакали, — выдохнула я, чувствуя странную смесь торжества и испуга.

— Я вспомнила свою первую любовь, которая погибла на войне, — сухо ответила Софи, возвращая себе железный

тон. — Ты вскрыла старый шрам, Вивьен. Это было... жестоко. И великолепно.

Она встала и подошла ко мне.

— Запомни это ощущение. Ты не просишь аудиторию чувствовать. Ты разрешаешь им выпустить их демонов. Сегодня ты молодец. А теперь иди. Мне нужно... выпить чаю.

Я вышла из кабинета на ватных ногах. В коридоре было шумно, студенты смеялись, но я все еще чувствовала отголосок той искусственной тоски, которую сама же и создала. Это была страшная сила. И она мне нравилась.

Глава 11. Скука, закат и чужие тайны

Прошел месяц. Если бы кто-то попросил меня описать этот месяц одним словом, я бы выбрала слово «контраст». Или, если быть честной, «пытка с элементами триумфа».

Академия «Эфир» оказалась местом странным. Лекции по Теории Магии были настолько скучными, что я научилась спать с открытыми глазами, сохраняя на лице выражение глубокой задумчивости. Старый профессор Глэнгор (тот самый, что бубнил про глину) мог усыпить даже бессонницу. Бытовая магия была еще хуже. Огневиков учили поджигать свечи и нагревать чай до нужной температуры.

— Я леди, — заявила я преподавательнице, когда она потребовала прижечь рану манекену. — Для этого существуют целители.

Мне поставили «неуд», но я гордилась своей принципиальностью.

С Огненными Искусствами тоже не задалось. Казалось бы, я — Лев, Огонь — моя стихия. Я должна жонглировать ферболоми как богиня. Но на практике...

— Мадемуазель де Ларуа! — кричал инструктор, когда мой огненный обруч вместо того, чтобы красиво пролететь через зал, поджег штору. — У вас не огонь, а лесной пожар!

Никакой эстетики, сплошное разрушение!

Единственным местом, где я чувствовала себя королевой, был класс мадам Софи. Там мое «разрушение» называли талантом. Я училась вплетать в голос не только грусть, но и легкую тревогу, раздражение и (мое любимое) чувство превосходства.

Но вот настали очередные выходные, ставшие синонимом к слову катастрофа.

Академия опустела. Лира и ее золотая компашка уплыли в Луминвер или даже порталами в Этернис — тратить деньги родителей, танцевать в клубах и есть устриц. Альмина все еще была в лазарете (целители говорили, что восстановление идет медленно), так что в нашей роскошной комнате я осталась одна.

Я лежала на кровати, свесив голову вниз, и разглядывала перевернутый мир. Отец оказался упрямее мула и упорно отказывался высылать мне деньги. У меня не было ни монеты, чтобы нанять лодку до города, ни тем более, чтобы купить там себе хоть что-то. Я была узницей в золотой клетке.

— Ску-у-ука, — протянула я в пустоту. — Я умираю. Моя молодость вянет в этих четырех стенах.

Тук-тук.

Я замерла. Звук доносился со стороны балкона. Я перевернулась и села. За стеклом, конечно же, маячила знакомая лохматая голова.

Рен. Опять.

Я подошла к окну и дернула ручку.

— Для тебя дверей не существует? — спросила я вместо приветствия. — Или ты считаешь, что входить через окно — это признак гениальности?

Рен влетел в комнату, приземлившись на ковер с грацией кота. На нем была зеленая рубашка с оторванными рукавами, но выглядел он до неприличия довольным.

— Двери для скучных людей, Вивьен, — он улыбнулся. — А музы живут на высоте. Привет. Почему ты не в городе? Я думал, ты сейчас пьешь шампанское на какой-нибудь яхте. Я фыркнула, падая обратно на кровать.

— У меня... мигрень. И вообще, я решила посвятить выходные медитации.

— Ага, — кивнул он, оглядывая мою комнату. — Медитации на потолок. Понятно. Значит, сидишь без денег?

Я метнула в него подушку. Он поймал ее в воздухе, даже не дернувшись.

— Не твое дело, нищеброд. Зачем пришел? Принес еще одну банку с атмосферными осадками?

— Почти, — он положил подушку на кресло и щелкнул пальцами.

Воздух перед ним задрожал, сгустился и расцвел. Это был букет. Но не обычный. Цветы были сотканы из света и цвета. Полупрозрачные ирисы, лепестки которых меняли оттенок от фиолетового до небесно-голубого. Внутри каждого бутона дрожала крошечная светящаяся искра, похожая на свет-

лячка.

— Иллюзия? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал скептически, хотя на самом деле это было красиво. Чертовски красиво.

— Вечная, — поправил Рен, протягивая мне букет. — Ну, пока я жив или пока не надоест. Они не завянут, им не нужна вода, и они пахнут... почувствуй.

Я осторожно понюхала светящийся ирис. Он пах озоном перед грозой и ванилью.

— Сносно, — вынесла я вердикт, ставя букет в пустую вазу на столике. — Хотя настоящие розы стоят дороже.

— Мои цветы бесценны, — Рен подошел к окну. — Слушай, раз уж ты «медитируешь» от скуки... Хочешь, покажу кое-что?

— Что? Коллекцию дырявых носков?

— Закат, — он пропустил колкость мимо ушей. — В западном крыле библиотеки есть Круглый Зал. Туда обычно никого не пускают, там хранятся редкие фолианты. Но я знаю, как открыть замок. Оттуда вид... Вив, такого ты не видела даже со своей террасы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.